

...Судьба не баловала этого скромного человека. Лишив его обоих родителей в раннем возрасте, она привела его в партизанский отряд. Здесь тринадцатилетнему Анатолию пришлось пройти через то, что не всякий взрослый сумел бы вынести: бои, походы, окружение, пытки в тюрьме гестапо. Но он уцелел, не сломавшись, и дожил до освобождения. Анатолий Гаврилович Гунарь поделился воспоминаниями о пережитом².

Конец детства

Осчастливил свет своим появлением маленький Толя Гунарь 13 ноября 1929 года, в небольшом украинском селе Перелюб, под Черниговом. Это была довольно крепкая, успешная семья – уже в предвоенные годы отец трудился бухгалтером, а мать – техническим руководителем на заводе. Когда грянула война, отца Гаврилу Ивановича мобилизовали, и он сгинул на фронте. Мать Анна Яковлевна, проживавшая тогда с двумя детьми в селе Харьковка, уже было погрузила вещи в машину и собиралась эвакуироваться. Однако её предупредили – в воздухе свирепствуют гитлеровские стервятники, для них охота за отдельными автомобилями в развлечение. Остались. Началась для Гунарей нелёгкая жизнь в оккупации.

² Автор встретился с партизаном в 2014 году.

Анатолий Гаврилович
Гунарь

Морозный день 7 декабря двенадцатилетний Толик запомнил на всю жизнь. Явились в их домишко эсесовцы, его с сестрой Тамарой затолкали в подвал, а мать босиком вывели на двор. Оказывается, нашлись негодяи, доложившие оккупантам, что Анна Яковлевна «партийная», да ещё и родилась в еврейской семье – а с коммунистами и евреями у врагов разговор был коротким. Женщину расстреляли прямо во дворе, бросив тело без погребения. Местному старосте каратели сказали, что надо бы уничтожить и детей, но добрые люди помогли им перебраться в родной Перелюб, подальше от глаз палачей. Здесь у Толика возникла мысль прибиться к партизанам.

Как раз в окрестностях действовал отряд имени Чапаева, возглавлявшийся Александром Петровичем Балабаем. До войны он был директором школы, Толик Гунарь тоже у него учился. Не откладывая дела в долгий ящик, парнишка в снегу по пояс, отправился на поиски народных ополченцев. Найдя партизан, он попросился в отряд, и командир ответил согласием. Так началась для Толика, которого определили связным, жизнь боевая. Своё первое задание запомнил он хорошо. Велел командир ему пробраться в Перелюб к местному сапожнику Павлу Третьяку и поручить тому перевезти всю новую и отремонтированную обувь в условное место, где её смогут забрать партизаны. Парнишка в точности выполнил всё так, как ему сказали.

А времена царили свирепые. Партизан немцы боялись, как чёрт ладана, в их леса соваться опасались. Но зато уж всю отыгрывались на помогавшим народным мстителям жителей окрестных сёл, расстреливая и сжигая их заживо без счёта. За каждого уничтоженного своего солдата или офицера гитлеровцы расправлялись с десятками селян. Ну и грабили крестьян подчистую. Однако и местные жители, взяв в руки оружие, с врагами не церемонились: громили немецкие подразделения, пускали под откос эшелоны. Вытравляли коричневую заразу не только в родных местах, но зачастую совершали весьма далекие рейды, например, в Белоруссию.

Александр Балабай и Толик Гунарь

В числе наиболее ярких воспоминаний того времени в памяти Толи Гунаря остался бой в Елинских лесах, когда превосходящие силы оккупантов попытались окружить партизан. Сейчас, спустя семьдесят с лишним лет, когда он об этом рассказывает, голос его дрожит от сдерживаемых чувств: «Только стало светать, как на просеках к базе показались первыми полицаи в маскхалатах, а следом немцы. И тут сработали мины большой силы. Вздрогнула земля. От взрывов много полицаев и немцев осталось лежать на снегу. Но новые силы снова и снова наступали на наши позиции. Сработала вторая линия мин, партизаны из укрытий вели прицельный огонь. Казалось, откуда их столько лезет, ведь уже десятки трупов на снегу, а враги всё идут и идут. «Толя, – сказал Александр Петрович, – давай подноси патроны, запасы закончились. Все, кто мог, побежали к складу...».

Уничтожив около трёхсот врагов, партизаны рассеялись, чтобы позже соединиться в другом месте. Толик Гунарь наравне со взрослыми переносил все тяготы скитальческой жизни, опасности, порой голодуху. Как-то командир Балабай поинтересовался: «Ну, как мой ученик в походе? Не замёрз?» Кто-то из взрослых ответил: «Он у нас настоящий боец. Если ему, как малышу, люди дают что-то получше и повкуснее, он всегда поделится с нами. Не беспокойтесь за него, Александр Петрович, Толик у нас под особым надзором. Бережём, как зеницу ока».

В аду

Вскоре мальчишке поручили новую важную задачу: пробраться в город Щорс, связаться с местными подпольщиками и разузнать у них график дежурств охраны, стерегущей мост через реку Снов, точное время, когда включаются фонари. Парнишка пробыл в городе шесть суток, добросовестно исполнил задание. Добытые им

сведения оказали неоценимую помощь партизанам, взорвавшим мост вместе с ехавшим по нему составом. Увы, далеко не всегда удавалось выйти из опасной ситуации целым и невредимым. Выполняя очередное поручение, на этот раз под Рыбинском, попался Толик вражескому патрулю. Немцы и полицаи учинили допрос: кто таков, что здесь делаешь? Один из полицаев уличил парня в том, что он, мол, из «партизанской семьи». После этого Анатолия тут же схватили и отвезли в местное отделение гестапо.

Дальше предоставим слово ему самому. «Затолкали меня в небольшую комнату, где кроме скамейки и стула ничего не было. «Сейчас ты нам всё расскажешь!» Положили на скамейку спиной вверх, чтобы ступни свисали. Берут доску и бьют по пяткам. От удара доской, как током, по всему телу такая боль невыносимая, что просто невозможно терпеть. Стиснув зубы, я лежу, слёзы на глазах от боли, но терпеть надо. «Ну, что хнычешь, может расскажешь про партизан?» «Я же не партизан! Что я могу вам рассказать, если я не партизан! И снова колотят доскою по ступням.» «Молчишь? Ничего, у нас есть ещё и другие методы!» Берут небольшой молоток, кладут на доску пальцы рук и бьют по ногтям. Это ещё болезненнее. От ударов кровь из пальцев брызжет, сознание временами пропадает. Но я молчу. Тогда палач берёт кружку воды и обливает холодной водой. Потом иголки под ногти суют, снова кладут на скамейку, капают в нос нашатырный спирт. Задыхаешься, нечем дышать, но молчишь. Дают воды попить, но предварительно туда ложку соли засыпают. Затем назавтра всё начинается сначала.... «Расскажешь про партизанские семьи, квартиры подпольщиков, сразу отпускаем домой. Станешь по-прежнему молчать – ну что ж, расстрел или повешение, выбирай сам». Потом через день привели меня к немецкому майору. Он на ломаном русском языке произнес: «Ты приговорён к повешению, это мы сделаем в любое время. Но я даю тебе

шанс подумать и рассказать нам о партизанах. Пока же будешь помогать убирать кровь, обрезанные уши и груди евреев и цыган. Полюбишься на эти чудесные зрелища. Может, перевоспитаешь свой характер». За несколько недель пребывания «в гостях» у гестапо Толик вдоволь насмотрелся на зверства нацистов. Людей

Толик в центре

безжалостно кололи и резали, насильовали молоденьких евреек и цыганок, а потом отправляли их в душегубку. Почти каждый день людей выводили из камер, пихали в машину с металлической будкой, а потом накрепко закрывали двери, переключая в кузов выхлопную трубу. Пока машина доезжала до леса, все, находившиеся в будке, превращались в мертвецов. Тела сбрасывали в яму и закапывали.

Много лет спустя в гости к Анатолию Гавриловичу приезжала делегация из Музея Холокоста в Вашингтоне. Он назвал им оставшиеся в памяти фамилии казнённых у него на глазах евреев: Швыдка, Базилевич, Шашель, Авдиевский...

Однажды близ тюрьмы слышались частые автоматные очереди. Немцы забегали, закричали, а затем взревели двигатели автомобилей. Минут через двадцать по тюрьме вдруг затопали люди, слышались звуки отодвигаемых дверных засовов. Толик решил, что сейчас его поведут на казнь. Однако изматывающее ожидание смерти оказалось напрасным – то были свои, партизаны, правда из другого отряда. Потом был изнурительный пеший путь через Рыбинск и Большую Слободу – и вот он, родной Перелюб! Алексей Петрович Балабай, увидев Толика вновь, сказал, что он повторил подвиг Зои Космодемьянской, отказавшейся выдать врагам товарищей. Командир представил паренька к ордену – но, к сожалению, Гунар так и не получил обещанной награды.

В окружении

И вновь потянулись будни боевой жизни. Взрывы мостов, поджоги работавших на нужды врага мельниц и лесопилок, уничтожение переметнувшихся к врагу предателей... Вот типичная боевая ситуация: «Только немцы спешили, по ним ударили из автоматов и пулемётов, стреляли прямо из леса. Враги, не сообщая, откуда по ним бьют, стали прыгать обратно в машины. Страшно, что творится: тут и крики, и взрывы гранат, и пулемётные очереди – всё смешалось в один общий гром. Меня увидел Иван Васильевич Иваненко и кричит:

– А ты что тут делаешь? Марш отсюда!

– Я помогаю диски от пулемётов наполнять – видите, какая пальба идет?

– Вижу, но ты лучше перебеги на эту сторону! Стибайся пониже и передай, чтобы по колёсам полоснули, а то немцы уехать могут...

На той стороне дороги я первого увидел Михаила Федченко.

– Вам передали – полоснуть по колёсам, чтоб они не уехали на спущенных шинах. С нашей стороны колёс не видать, поняли?

– Понял, Толя! Смотри за себя, не высывайся близко к дороге. Иди подальше за кустами.

Возвращаюсь опять на свою сторону, а пулемёты молчат.

– Что, патронов больше нет?

– Да просто немцы уже удрали.

– Как удрали?! Федечко же им по колесам полосовал!

– Видать, плохо полосовал, раз все машины ушли...

– А убитые были?

– И убитых в кузов побросали, как дрова...

Кстати, сражались с захватчиками и родственники Толи Гунаря. Его тётя Анастасия Яковлевна погибла в одном из боёв на Брянщине. Когда их отряд окружили и стали обстреливать, один из снарядов разорвался совсем рядом. Осколком женщину убило. Апрель 1943-го. Партизаны начинают операцию «Куст». В её рамках готовится одновременная атака на полицаев в пяти сёлах: Перелюб, Прибиль, Шишковка, Балясы, Большая Слобода. Предварительно требовалось уточнить силы врага. В числе разведчиков, которым поручили это сделать, оказался Толя Гунарь. За два дня Анатолий и его напарник Андрюша Сборщик досконально выяснили количество врагов в Перелюбе и имеющееся у них оружие. Потом полицаев выбили из села, и в течение трёх следующих дней над Перелюбом развевался красный флаг. На четвёртый день село атаковали немецкие танкетки и пехота. «Куда бежать? Центр занят, лесная сторона села отрезана. Единственный оставшийся путь – вдоль речки Перелюбки на запад к болоту. И мы побежали. Нас собралась группа человек 50-60 партизан и местных жителей. От села до торфяного болота было не больше двух километров. Но река вильнула влево, оставив перед людьми голое поле. Из села выскочили две танкетки и стали стрелять по беглецам. Некоторые падали, другие продолжали упорно пробираться к болоту. Оказавшись в укрытии за деревьями, очухавшись от бега, стали рассматривать друг друга. Почти все знакомые... Когда стрельба стихла, решили провести разведку. Оказалось, со всех сторон болота стоят посты немцев и полицаев. Значит, нас окружили и станут держать здесь до тех пор, пока мы не умрём от голода...»

На торфяном болоте нашлась прошлогодняя клюква и старые грибы, а вот вода для питья подходила плохо. Дождались ночи. Враги то и дело пускали ракеты, освещая местность. Посоветовавшись, окруженцы решили незаметно отправить посланца в село за хлебом. Задача эта выпала Толику. «И я решил идти. Выби-

раясь из болота, ложился на живот и полз по траве метров двести. Потом отдыхал, а затем снова и снова полз. Постепенно начались кустарники, можно и разогнуться. В селе стучусь в окно, прошу хлеба или варёной картошки, даже поросячей можно. Кто что даст, тащу обратно на болото. Вот так в течение тринадцати дней я лазил в село Перелюб и хутор Будущее. Этот хутор был настоящим помощником партизан. Все продукты делили по кусочку ободрали всю клюкву и грибы, на молоденьких липах объели все почки. Когда немцы уехали, и мы вернулись в село, стояла тёмная весенняя ночь. От голода никто не умер...»

И вновь несправедливость – никакой награды за свой новый подвиг Гунарь не получил. О, он отнюдь не жалуется, нет, но неприятный осадок на душе остался. «Нам очень мало осталось жить, но хотелось бы ещё при жизни увидеть, что тебя не забыли и оценили то, что ты сделал», – говорит сейчас Анатолий Гаврилович.

Освобождение

Вторая половина 1943-го принесла новые долгожданные веяния. Массовые расстрелы и грабежи прекратились; у оккупантов стало чувствоваться возрастающее стремление спасти свою шкуру. Над регионом всё чаще стала действовать советская авиация, радио сообщало об успешном наступлении Красной Армии. Октябрь принёс спешное отступление гитлеровцев, обратившееся в хаотическое бегство. Оборванные, небритые, голодные орды спешно перемещались на запад, а на плечах у них висели подразделения освободителей. Анатолий Гаврилович рассказывает о первой встрече партизан с красноармейцами: «Наш руководитель представился старшему из командиров:

– Глава партизанского соединения, Герой Советского Союза Николай Никитович Попудренко. Объятия и поцелуи, шапки летят вверх. Радости не было границ, у многих слёзы на глазах.

– Ну, вы тут оставайтесь, а мы пошли дальше на запад, гоним фрицев из всех сил. Они так драпают, что мы их догнать не можем... И группа красноармейцев со своими командирами направилась в сторону Перелюба».

На этом боевые будни для Толи Гунаря окончились. Естественно, по малолетству он не мог пополнить ряды армии, но многие его товарищи продолжили бить врага. Некоторые, успешно пройдя вместе с Толей опасности партизанской жизни, погибли уже потом. Так, 1 апреля 1944 года погиб во время глубокого рейда на территорию Польши его старый друг Вася Коробка. Будучи стар-

ше Толика на несколько лет, он тоже начинал посыльным, позже добился перевода в подрывники. В бою он прикрыл отход товарищей, с перебитыми ногами поливал нацистов свинцом из пулемёта, пока хватало сил и патронов. Гунарь с глубокой грустью вспоминает верного товарища...

Толик вернулся в родной Перелюб, к дедушке с бабушкой – они, к счастью, остались живы. От них Толик направился в Харьковку: искать могилу матери. Увы, тогда эти поиски не принесли успеха. Обнаружить место последнего приюта самого родного человека удалось Анатолию Гавриловичу лишь спустя много лет, в 1979 году. Приехав с женой Верой в Харьковку, он случайно познакомился с местным жителем Максимом Ивановичем Сухоручкиным. Встреча оказалась судьбоносной: именно Сухоручкин в декабре 41-го тайком похоронил Анну Яковлевну на деревенском кладбище, невзирая на запрет оккупантов.

Жизнь самого же Анатолия с тех пор текла достаточно гладко, словно желая вознаградить его за страшные испытания юности. Правда, детскую мечту о небе, о пилотской профессии осуществить не удалось. И поступил было в Харьковское подготовительное училище для лётчиков, но его расформировали спустя год. Пришлось идти в железнодорожное училище в Белополье, которое Гунарь закончил на отлично. Начал работать помощником машиниста. 5 мая 1950 года призвали в армию, и Анатолий оказался в литовской Клайпеде, где его зачислили в 154-й Лорийско-Полоцкий стрелковый полк из Пугачёвской сотни. Затем последовала служба в армейской системе связи на территории Латвии. Как специалист по в/ч связи побывал Гунарь и на Новой Земле, и в бухте Тикси, и на Камчатке, и в Забайкалье, и на Байконуре. Ныне он пенсионер, мирно живущий в Даугавпилсе. А сейчас ветерана придавила новая душевная боль: «Украина, родная Украина, под чьей пятою ты оказалась ныне?!»

Когда разговор заходит о том, что происходит в краях, где он когда-то воевал, Анатолий Гаврилович не может сдержать слез:

– Страшный грех лежит на президенте Януковиче, бросившем свой народ на растерзание нацистскому зверю! Это безжалостные убийцы – прямые наследники тех, кто нас когда-то пытал и расстреливал, с кем мы ни на жизнь, а на смерть сражались. Но я верю – придёт время, и Украина сбросит с себя власть бандеровцев. Иначе просто и быть не может...